

щій колыбельныя пѣсни, была съ нимъ и вечеромъ. Съ нею въ отцовскую комнату допускался только шутъ, потѣшавшій своего барина. Изъ остальныхъ обитателей Оловянниковаго дома—дѣтей его, родныхъ и прислуги, никто не могъ входить въ «завѣтную» комнату. Убирала ее и даже стлала отцу постель Елизавета. Иногда старикъ просыпался ночью и надолго засаживалъ свою дочь играть съ нимъ въ пикетъ. Игра затягивалась на цѣлыя часы, и Елизаветѣ ни подъ какимъ предлогомъ не позволялось замѣнять себя кѣмъ либо изъ домашнихъ. Она исполняла все, чего желалъ старикъ-отецъ, но испытывала страшныя душевныя муки, о чемъ часто говорила своей сестрѣ.

Та, какъ могла, утѣшала ее.

— Вотъ умретъ папенька, онъ человѣкъ ветхій—дряхлый, тогда все пройдетъ для тебя; будешь жить на своей волѣ.

Елизавета тяжело вздыхала и находила себѣ отраду только въ перепискѣ съ любимымъ человѣкомъ. Она стала необыкновенно задумчива и, повидимому, создавала въ умѣ своемъ планъ дѣйствія.

И здѣсь мы находимся въ области роковой тайны: почему Елизавета Оловянникова, получившая отъ отца капиталъ въ 50.000 рублей, невѣста богатаго человѣка, не предпочла уѣхать изъ отцовской усадьбы и уходомъ выйти замужъ за Я—аго... Развѣ этого не практиковалось въ то время? Несмотря на тщательныя розыски, пишущему эти строки во всемъ громадномъ дѣлопроизводствѣ не удалось найти хотя бы малѣйшаго намека на объясненіе роковой тайны, приведшей къ кровавой драмѣ.

II.

Въ декабрѣ 1831 года, съ Оловянниковымъ случилось непріятное происшествіе. Накушавшись вдоволь разныхъ яствъ (а онъ, несмотря на преклонныя лѣта, былъ порядочный лакомка), старый майоръ потребовалъ квасу. Принесли ему большую кружку освѣжительнаго напитка, и онъ не осушилъ ее сразу, а началъ смаковать квасокъ. Страшно ядовитая горечь обожгла ему ротъ. Тогда Оловянниковъ перепугался, не подсыпана ли въ квасъ отравы. Въ домѣ у него гостилъ знакомый—Пожидаевъ. По просьбѣ Оловянникова онъ отвѣдалъ подозрительнаго напитка и почувствовалъ необыкновенную горечь во рту, а потомъ тошноту.

— Тошно мнѣ стало, — сейчасъ же сказалъ гость, — замутило всего...

Хозяинъ позвалъ дворовыхъ людей, и они, по данному приказанію, отпивали изъ кружки...

— Ну, что? Ну, какъ? — спрашивалъ у каждаго крѣпостного баринъ.

— Тошнить! Горько! Дюже горько! — заявляли они.